

На правах рукописи

ЗАХАРОВА Мария Андреевна

**ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЛЕКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ «ЖИВОТНЫЙ МИР»
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2020

Работа выполнена на кафедре зарубежной филологии
и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина»

Научный руководитель:

Рябых Екатерина Борисовна

кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Левицкий Андрей Эдуардович

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры лингвистики, перевода
и межкультурной коммуникации ФГБОУ
ВО «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова».

Кудрявцева Наталья Борисовна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры немецкого и французского
языков ФГАОУ ВО «Белгородский госу-
дарственный национальный исследова-
тельский университет»

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Нижегородский
государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова»
(г. Нижний Новгород)

Защита состоится «27» ноября 2020 г. в 12 ч 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.261.04 при Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181К, учебный корпус № 5, Зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» и на сайте университета <http://www.tsutmb.ru>.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2020 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Н. Толмачева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению интерпретирующего потенциала лексических категорий тематической области «животный мир» на материале современного немецкого языка.

Актуальность исследования обусловлена его выполнением в рамках когнитивного подхода к изучению лексического состава языка, который позволяет раскрыть специфику интерпретирующей деятельности мыслящего индивида. Актуальность и значимость работы заключаются также в попытке рассмотрения интерпретирующего потенциала лексических категорий тематической области «животный мир» в немецком языке через соотнесение действия различных когнитивных механизмов с особенностями вербализации вторичных мыслительных структур. Важным в работе является разделение случаев не прямой и косвенной номинаций, что связано с наличием или отсутствием вторичного значения зоонима как части более сложной языковой структуры.

Гипотеза проводимого исследования заключается в том, что модели формирования вторичных значений во многом зависят от семантической структуры языковой единицы. Интерпретация значений немецких зоонимов в составе различных языковых структур осуществляется за счет когнитивных механизмов метафоры, метонимии, метафтонимии и образного сравнения, среди которых наиболее важную роль играет метафора. Доминантными форматами интерпретации являются перцептивный формат, который формирует концептуальное основание лексических категорий тематической области «животный мир», а также формат наблюдения в связи с особенностями воспринимаемого и интерпретирующего окружающий мир субъекта.

Объектом исследования являются лексические единицы немецкого языка, содержащие в своей структуре зооним, который либо имеет вторичное значение, либо мотивирует переосмысление всей языковой единицы, в состав которой он входит.

Предметом исследования являются вторичные значения языковых единиц лексических категорий, объективирующих тематическую область «животный мир» в немецком языке.

Целью работы является исследование первичной и вторичной интерпретации лексических категорий тематической области «животный мир» в немецком языке с рассмотрением когнитивных связей между областями, выступающими в качестве источника интерпретации, и областями, являющимися её целью.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- изучение современных теорий категоризации, номинации, оценочных значений и интерпретации;

- классификация сложных существительных, сложных прилагательных, атрибутивных словосочетаний и сравнительных оборотов, содержащих в своей структуре зоонимические единицы немецкого языка;

- выявление закономерностей использования когнитивных механизмов в процессах формирования вторичных значений зоонимов в зависимости от семантической структуры исследуемой единицы;

- определение типов и форматов интерпретации значений зоонимической лексики немецкого языка, репрезентируемых составными элементами сложных существительных и прилагательных, атрибутивных словосочетаний и сравнительных оборотов с союзом *wie*;

- обнаружение сходств и различий формирования вторичных значений зоонимов и языковых единиц, имеющих их в своей структуре, в немецком языке.

Научная новизна работы состоит в комплексном анализе формирования вторичных значений с точки зрения теории интерпретации, систематизации знаний интерпретирующего характера когнитивной области «животный мир», а также в моделировании их интерпретирующего потенциала. В данном исследовании впервые предпринимается попытка структурно-семантической классификации единиц с интерпретируемым компонентом, что помогает установить глубинные семантические отношения между их частями. Важным аспектом научной новизны работы является выполнение практического исследования на материале немецкого языка.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в развитии основных положений теории интерпретации лексических категорий, установлении механизмов и форматов интерпретации знаний с точки зрения когнитивной деятельности человека. Кроме того, в работе рассматривается классификация оценочных значений и семантические структуры композитов и атрибутивных словосочетаний с опорой на современные лингвистические теории. Основные положения и выводы служат дальнейшему развитию, в первую очередь, теории интерпретации, а также теории оценочных значений, теории номинации и различных теорий, исследующих метафорические значения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов работы при разработке лекционных курсов по когнитивной лингвистике, лексикологии немецкого языка и преподавании практических курсов по немецкому языку. Полученные результаты могут быть использованы при написании бакалаврских и магистерских диссертаций по соответствующему профилю подготовки.

В качестве **теоретической базы** исследования рассматриваются работы отечественных и зарубежных ученых, направленные на изучение вторичных значений языковых единиц, среди которых следует выделить работы Н.Н. Болдырева, Л.А. Панасенко, посвященные постулированию основных

положений теории интерпретации значений языковых единиц; труды Л.В. Бабиной, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телии, направленные на изучение вторичных значений лексем; исследования ученых, изучавших базовые когнитивные механизмы: метафору – Дж. Лакоффа, М. Джонсона, метонимию – З. Кёвечеша, Г. Раддена, метафтонимию – Л. Гуссенса и О.С. Шармановой; также Д. Герартса, Р. Дирвена, предложивших свои способы схематического построения формирования переносных значений; Э. Рош, внесшей неизмеримый вклад в развитие теории категоризации, и др.

Обоснованность и достоверность полученных результатов определяется применением **комплекса методов**, среди которых основное значение имеет метод моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий. Также в исследовании используются метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа и др.

Источником фактического материала исследования послужили немецкие существительные, прилагательные, атрибутивные словосочетания и сравнительные обороты, содержащие в своей структуре зооним. Объем проанализированного материала составил 718 единиц языка, а также около 2000 тысяч контекстов из немецкой прессы и художественной литературы, раскрывающих особенности речевой реализации исследуемых языковых единиц. При поиске фактического материала были использованы, в том числе, немецкие толковые словари и текстовые корпуса (Duden, Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, deutschsprachige Volltextbibliothek, Grimm Wörterbuch и др.)

Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют вынести на защиту следующие **положения**:

1. Ввиду того, что лексические категории представляют собой аналог объектов окружающего мира, интерпретирующий потенциал является их онтологическим свойством. Данный потенциал проявляется в идентифицирующем и характеризующем типах интерпретации.

2. Интерпретирующий потенциал языковых единиц, репрезентирующих лексические категории тематической области «животный мир», проявляется в их способности формировать значительный круг вторичных значений, связанных как с объектами этой же когнитивной области, так и с объектами таких когнитивных областей, как «растения», «человек», «артефакты», что говорит о внутреннем и внешнем векторах интерпретации.

3. Формирование вторичных значений зоонимов является следствием оценочной деятельности человека и репрезентируется этими единицами в составе композитов, атрибутивных сочетаний и компаративных конструкций.

4. Интерпретация значений зоонимов осуществляется с помощью когнитивных механизмов метафоры, метонимии, метафтонимии и образного сравнения, при этом базовым когнитивным инструментом структурирования знаний выступает операция сравнения.

5. Доминирующим когнитивным механизмом интерпретации значений зоонимических компонентов в составе сложных слов и атрибутивных словосочетаний является метафора как механизм переосмысления значения на основе аналогии. Менее востребованными являются когнитивные механизмы метонимии и метафтонимии. Метонимические отношения имеют место в случае смежности, охватывающей разнородный спектр онтологических отношений. Одну из ключевых ролей играет наличие в семантической структуре соматизма, детерминирующего указание на отношение части и целого. В компаративных конструкциях ведущим является механизм образного сравнения.

6. Интерпретация значений зоонимов осуществляется посредством различных форматов, в числе которых доминируют форматы перцепции и наблюдения. Определение формата интерпретации в сложных языковых структурах достигается как относительно интерпретирующего субъекта, констатирующего аналогию или смежность двух объектов окружающей действительности, так и относительно денотата языковой единицы.

7. Одно и то же ассоциативное сходство делает возможным формирование синонимичных языковых конструкций разной структуры, употребление которых обусловлено конкретной ситуацией.

Апробация работы заключалась в изложении основных положений и результатов исследования в докладах на научных конференциях в 2017-2020 гг., в том числе: V международной научной конференции «Культура в зеркале языка и литературы» (Тамбов, 2017), Всероссийской научной конференции с международным участием «Когнитивные исследования в гуманитарных науках» (Тамбов, 2018), Международной научной конференции «Международный диалог: Восток – Запад» (Свети Николе, Македония, 2020), а также нашла свое отражение в публикации ряда статей, из которых 5 относятся к определенным ВАК рецензируемым научным изданиям.

Диссертационное исследование представляет собой 225 страниц машинописного текста, включая введение, две главы, заключение и список литературы, а также 37 страниц приложений.

Во введении рассматриваются актуальность темы работы, указываются объект и предмет исследования, обозначаются цель и связанные с ней задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также методы исследования и источники фактического материала. Кроме того, введение содержит положения, которые выносятся на защиту, и описание структуры диссертационного исследования.

В первой главе «Теоретические подходы к исследованию интерпретирующего потенциала лексических категорий» представлены общие положения теории лингвистической интерпретации, **во второй** – практические результаты исследования. **Первая глава** раскрывает основы теории категоризации, теории вторичной номинации, природу когнитивных механизмов, посредством которых интерпретация становится возможной. Также в первой

главе рассмотрены теория оценочных значений и отражение аспектов теории лингвистической интерпретации в работах лингвистов-когнитологов. Структура **второй главы «Интерпретация значений немецких зоонимов в составе различных языковых структур»** определяется на основе дифференциации когнитивных областей, а также языковых форм объективации зоонимов. Посредством анализа корпуса примеров в каждой когнитивной области удалось выявить различные структурно-семантические модели, что показало специфику интерпретирующей концептуализации в немецком языке.

В **заключении** постулируются результаты проведенной работы, а также раскрывается перспектива дальнейшего исследования.

Приложения содержат обзор всех лексических единиц, исследованных в практической части работы, с анализом интерпретации значений зоонимических компонентов в их составе, что предполагает идентификацию типа и формата интерпретации, осуществляющего её когнитивного механизма и наличия оценочного значения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Проявление интереса к современной теории интерпретации и возможность в рамках когнитивно-дискурсивного подхода рассматривать специфику интерпретирующей деятельности человеческого сознания с позиций взаимодействия ментальных и языковых структур способствуют системному описанию языка, расширению представления об организации и функционировании языковых единиц в концептуальной картине мира. В основе настоящего исследования лежит теория интерпретирующего потенциала лексических категорий [см. Болдырев, Панасенко 2013].

Тем не менее, изучение специфики интерпретируемого знания часто рассматривается в отрыве от формы его вербализации, что затрудняет выявление закономерностей между деятельностью когнитивных механизмов, характеристиками процесса интерпретации значений и различными языковыми структурами.

Настоящее исследование основано на тезисе о том, что при взаимодействии человека с окружающей действительностью происходит процесс объединения систем мира, человека и языка, при этом слитность этих онтологий вуалирует разницу объекта и его проекции в сознании человека. Язык, не являясь естественным объектом бытия, предполагает образование своих единиц через деятельность субъекта, направленную на обозначение фрагмента реальности. Формирование лексических категорий происходит по ассоциативному принципу, в зависимости от того, каким образом именуемые предметы сгруппированы в сознании субъекта познания на основе их связанности в реальности.

Способность языка выступать в качестве средства передачи воспринимаемой информации обеспечивается через процесс номинации. Случай не-

совпадения закрепленного за объектом названия и имени, данного в определенной ситуации, есть вторичная номинация, которая обусловлена наличием в структуре значения потенциальных сем, что предопределяет возможность сдвигов значения и гипотетическое употребление слова в не прямой функции.

Вторичность носит индуктивный характер, поскольку формирование вторичного значения не может быть замкнуто только на обозначенном данной единицей денотате, и установление межконцептуальных связей базируется на принципе концептуального согласования, при этом точная детерминация аспектов переосмысливаемых значений остается завуалированной.

Фундаментальными механизмами формирования вторичных значений являются метафора и метонимия, при этом базовым когнитивным инструментом структурирования знаний в ключе универсальной деятельности концептуализатора представляется когнитивная операция сравнения, которая необходима при сопоставлении концептуализируемой сущности либо с её частью, либо с иной сущностью.

Метафора обладает формальной ложностью ввиду несовместимости сопоставляемых значений, однако узальное закрепление вторичных значений способствуют смягчению их фиктивности, ввиду наличия в них сем, указывающих на характеризуемый объект или лицо. Кроме того, сравниваемые сущности имеют ту или иную степень схожести своих онтологических свойств. В связи с этим можно выделить метафоры без семантического сдвига признака, с семантическим сдвигом признака переноса и метафоры, в которых данный признак имеет противоположный смысл применительно к области-источнику.

В отличие от метафоры формальная ложность вербализированного образного сравнения невозможна, а интерпретируемый компонент обладает в нем первичным значением. Его формальная истинность достигается за счёт наличия возможности объективации параметра сопоставления: *Ахилл сильный, как лев*, имеет в качестве следствия постулат *Сила Ахилла, как сила льва*, что является истинным. Возможность метафорической вербализации того же знания в случае идентификации прототипических признаков животного дает возможность говорить о *потенциале* интерпретации. Вербализация структур такого типа предполагает функционирование когнитивного механизма образного сравнения, тесно связанного с когнитивной метафорой.

Метонимия выводит ассоциативные признаки, которые способствуют переносу, в единое концептуальное пространство и основана на отношениях смежности, охватывающей разнородный спектр онтологических отношений двух сущностей, например, отношение соседних звеньев трофической цепи или отношений интегративности. Метонимия не всегда является образным средством и может выступать в функции срединного звена при движении от буквального до метафорического прочтения, при этом стирание её образности продиктовано ограниченностью необходимости референции, тогда как образный характер опреде-

ляется присутствием наряду с денотативным коннотативного компонента значения, включающего, в том числе, оценочный и эмоциональный компоненты.

Метафтонимия функционирует в случаях, когда одна сущность замещается другой и одновременно вступает в ассоциативную связь с некоторой третьей сущностью. Предложенное Л. Гуссенсом понятие нашло отражение в работах современных лингвистов, среди которых заслуживают внимание труды Д. Герартса, где автор предлагает схематичное представление языкового выражения в виде треугольной призмы [Geeraerts 2006]. Специфика значения грамматической главы композитов, выступающих в качестве примеров действия метафтонимии, допускает схему метафтонимии в одной плоскости, отражающей движение от источника к цели по определенной траектории.

Осуществляемая на основе действия когнитивных механизмов интерпретация происходит по разным форматам знания как особым формам его представления на мыслительном и языковом уровнях. Помимо рассмотренных в трудах современных ученых форматов перцепции, наблюдения, функции, экспериенциальных эффектов, операционального опыта и ассоциативного формата знания, в настоящей работе выделены формат пассивного опыта, формат общей локализации и формат фактического соответствия. Некоторые форматы применительно к исследуемому языковому материалу функционируют условно. Определение форматов интерпретации можно осуществлять как относительно интерпретирующего субъекта, так и относительно фрагмента реальности, вербализированного целой языковой единицей.

В качестве фактологического материала исследования выступили сложные слова, устойчивые атрибутивные словосочетания и сравнительные обороты, экстенционал которых включает широкий спектр фрагментов реальности. При формировании значений композитов и атрибутивных словосочетаний важную роль играет факт наличия или отсутствия у зоонима переносного значения, что определяет его интерпретацию либо в составе исследуемой единицы, либо вне её, тогда как у зоонимического компонента образного сравнения вторичное значение отсутствует a priori. Важно, что соответствие вторичности значений и экзоцентризма подчинительных композитов не является константной, и определение косвенной номинации зависит не от отсутствия вторичного значения переосмысливаемого в композите компонента.

Представление о животном может иметь различные языковые формы вербализации, например, характеристика, заложенная в словосочетании *lahme Ente* – ‘*schwunglose, schwerfällige, entscheidungsunfähige Person*’ эквивалентна по значению устойчивому сравнительному обороту *lahm wie eine Ente*. Сравнительные обороты нашли свои аналоги как среди сложных существительных, например, *Brummbär* – ‘*brummiger Mensch*’ и *brummen wie ein Bär*, так и прилагательных: *rabenschwarz* – ‘*tiefschwarz*’ и *schwarz wie ein Rabe*.

Рассмотренные **сложные существительные** были разделены на 15 групп в зависимости от характера их обозначаемого, после чего в каждой группе

выделялись подгруппы на основе семантических структур, в состав которых обязательно входил зоонимический компонент.

В структурно-семантической классификации **фитонимов** можно выделить 2 основных группы: *зооним + фитоним* и *зооним + соматизм*.

Примером первой группы является фитоним *Adlerfarn (орляк)*, у которого сосудистые пучки, расположенные в корневище растения, на поперечном разрезе представляют собой подобие изображения орла на государственной символике. В данном случае наблюдается метафтонимия с метонимией ИЗОБРАЖЕНИЕ НА ГЕРБЕ *вместо* ОРЁЛ, т.е. ИЗОБРАЖЕНИЕ *вместо* ОБЪЕКТА, и с метафорой, имеющей в области-цели растение.

Во второй группе композитов структуры *зооним + соматизм* почти единственным перцептивным признаком переноса стала форма, поскольку выделение цвета или фактуры отдельной части тела животного представляется маловероятным. Единственным когнитивным механизмом интерпретации в данной группе выступает метафтонимия общей структуры (ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО →¹ ЧАСТЬ РАСТЕНИЯ)² РАСТЕНИЕ, так как обозначенная часть тела животного проецировалась на часть растения, которая не была вербализирована.

В фитонимах малораспространенной структуры *зооним + обозначение артефакта* обнаруживается разная связь между их составными частями, например, композит *Eselhuf (мать-и-мачеха)* в своем первичном значении определяет конкретный предмет, форма которого становится мотивирующим признаком номинации растения, а в композите *Froschlöffel (чащуха)* интерпретацию значений компонентов следует рассматривать отдельно, поскольку листья растения напоминают по форме ложки, а ареалом обитания растения стало место у речной воды, где обитают лягушки. Когнитивным механизмом интерпретации в первом примере является метафтонимия (ПОДКОВА ОСЛА → ЛИСТ) МАТЬ-И-МАЧЕХА, так как подобие с подковой осла наблюдается только у листьев мать-и-мачехи, тогда как нулевой экстенционал прямого значения второго композита определяет интерпретацию значения зоонима вне композита по формату общей локализации посредством метонимии.

Отдельно в работе рассмотрены композиты, референтом которых являются грибы, например, интерпретация значения зоонима в композите *Hirschschwamm (клавария)* осуществляется посредством метафтонимии ЖИВОТНОЕ (ЧАСТЬ ТЕЛА) → ГРИБ на основе общей формы, тогда как композиты структуры *зооним+соматизм*, например, *Eselohr (отидея)* иллюстрируют метафтонимию (ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → ЧАСТЬ РАСТЕНИЯ) ГРИБ.

Группа **зоонимов** иллюстрирует внутренний вектор интерпретации. Большинство лексем имеют структуру *зооним + зооним*, но часто интерпре-

¹ Здесь и далее стрелка выступает в качестве логических операторов *есть* или *суть*, т.е. указывает на метафорические отношения при движении от источника к цели.

² Здесь и далее круглые скобки выступают в качестве логического оператора *вместо*, т.е. указывают на метонимические отношения.

тацию получает значение первого компонента, тогда как второй указывает на принадлежность к определенному виду, отряду и т.д. В случае переосмысления второй части такие композиты относятся к экзоцентрическим образованиям, например, денотат зоонима *Biberratte* (*нутрия*) не относится к крысам, а лишь имеет хвост сходной формы. Интерпретация значения первого компонента осуществляется посредством метафоры на основе внешнего сходства бобра и нутрии, тогда как интерпретация значения второго зоонима показывает работу метафтонимии КРЫСА (ХВОСТ) → НУТРИЯ.

Многие примеры данной группы иллюстрируют интерпретацию значения первой части зоонима. Доминирующим форматом интерпретации стала зрительная перцепция. Например, зоонимы *Elefantenrobbe* (*морской слон*) и *Elefantenspitzmaus* (*прыгунчик хоботковый*) стали результатом интерпретации значения зоонима *Elefant* с помощью когнитивного механизма метафтонимии СЛОН (ХОБОТ) → ТЮЛЕНЬ/ ПРЫГУНЧИК. Такая же схема интерпретации формирует значение композита *Gänsegeier* (сип белоголовый): ГУСЬ (ШЕЯ) → СИП БЕЛОГОЛОВЫЙ, но в данном случае наряду с признаком 'форма шеи' интерпретация осуществляется по признаку 'фактура': у коршуна слабо оперенная и вытянутая шея, как у гуся.

Представленные метафтонимии вызывают неоднозначность метонимических отношений ввиду того, что отношения смежности наблюдаются как в области-источнике, так и в области-цели, так как, во-первых, часть тела не получила вербализацию в композите (ср.**Elefantennase* = *Robbe*), а во-вторых, часть тела не проецируется на весь обозначаемый объект. Вследствие этого такие случаи также возможно рассматривать как метафоры, функционирующие по таким признакам как 'наличие тонкого хвоста' (у *Biberratte*), 'вытянутая форма носа' (у *Elefantenrobbe*) и т.д. Однако в отличие от метафор с признаками переноса 'большой размер', 'яркий цвет' и т.д., в указанных случаях отношения смежности присутствуют.

Формат пассивного опыта и действие метонимии представлены в композите *Dachshund* (*такса*), поскольку барсук является объектом охоты таксы. Если бы охота за барсуком проводилась таксой для удовлетворения своей пищевой потребности, а не с целью добычи барсучьего жира для людей, форматом интерпретации выступал бы операциональный опыт.

Определение формата интерпретации значения первого зоонимического компонента *Maulwurfsratte* (*кротовая крыса*) предполагает отсчет относительно интерпретирующего субъекта, поскольку наносимый крысой вред направлен не на денотат первого компонента, а на человека.

В группе зооним + *соматизм* зооним выполняет функцию притяжательного прилагательного. Если в зоониме *Elefantenspitzmaus* часть *Elefant* неявно указывает на общую форму части тела, то пример этой группы *Schwalbenschwanz* (*махаон*) содержит прямую детерминацию части тела, по характерным чертам которой осуществляется перенос. Если бы махаон назывался

**Schwalbenschmetterling* (ласточка + бабочка), то для верной интерпретации были бы нужны глубокие энтомологические знания, что на обратной стороне крыльев бабочки есть короткие черные хвостики, схожие с хвостом ласточки.

Механизм метафтонимии в обоих случаях имеет разную структуру. В первом случае метафтонимия выглядит СЛОН (ХОБОТ) → ПРЫГУНЧИК, во втором – (ХВОСТ ЛАСТОЧКИ → ХВОСТ МАХАОНА) МАХАОН.

В отличие от вышеописанных когнитивных областей, в которых концепты были вербализованы научными терминами или народными названиями конкретных объектов живой природы, почти исключаящими характеризующую интерпретацию, обозначения человеческих черт посредством **антропонимов с компонентом-зоонимом** базируются именно на этом типе интерпретации, что говорит о возможном формировании оценочных значений композитов. Если у зоонима, входящего в состав композита, есть вторичное значение, характеризующее человека, то оно может быть перенесено на образованный композит, то есть процесс интерпретации осуществляется уже при формировании значения исходного зоонима, а не при образовании композита.

Примером группы зооним + антропоним является композит *Hundesohn* (подлый человек) как иллюстрация действия метафоры с переосмыслением признака ‘способность укусить’, поскольку применительно к области-источнику данное действие описывает физический процесс, тогда как для человека склонность кусаться проявляется в едких словах и грубом поведении.

Единицы группы зооним+зооним предполагают переосмысление обоих компонентов, так как в отличие от ранее описанной аналогичной группы последний зооним не может идентифицировать биологический класс денотата композита. Интерпретация значения первой части зоонима *Elefantenküken* (толстая неуклюжая девочка) осуществляется с помощью формата наблюдения посредством метафоры на основе общего признака ‘неуклюжие движения’. Второй компонент имеет вторичное значение ‘молодая неопытная девочка’, поэтому общее значение складывается из признаков ‘неуклюжий’ + ‘молодой’.

Интерпретация значений композитов, вошедших в группу зооним + со-матизм, осуществляется по формату наблюдения, поскольку семантика производных композитов представляет собой обозначения различных моральных качеств людей. Многие композиты данной группы не имеют частей с вторичными значениями, поэтому перенос осуществлялся на основе общих черт характера. Например, композит *Fuchsgesicht* (хитрец) демонстрирует интерпретацию в домене «характер» по признаку ‘хитрый’: (ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → ЧАСТЬ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА) ЧЕЛОВЕК.

Сложную интерпретацию значения зоонима иллюстрирует композит *Fuchsbart* (хитрый человек [с рыжей бородой]). Интерпретация значения целого композита невозможна, так как прямое прочтение определяет пустой экстенционал. С одной стороны, компонент *Bart* получает переосмысление как *Mann* посредством метонимии, а компонент *Fuchs* посредством метафоры

через признак ‘хитрость’, с другой стороны, указание цвета бороды определяет наличие иного признака человека – ‘наличие рыжей бороды’. Так формируются три аспекта образования значения: первый компонент – 1) метафтонимия (ЛИСА → БОРОДА) ЧЕЛОВЕК, где действие метафоры осуществляется по общему признаку ‘цвет’, а действие метонимии по смежности как ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ; 2) метафора ЛИСА → ЧЕЛОВЕК по признаку ‘хитрый’ и второй компонент – 3) метонимия БОРОДА *вместо* ЧЕЛОВЕК по смежности.

Композит *Papiertiger* (только по видимости опасный и сильный человек) группы обозначение *артефакта* + *зооним*, показывает метафорический перенос из источника ЖИВОТНОЕ в цель ЧЕЛОВЕК по признакам ‘сильный’, ‘опасный’, но первый компонент заставляет переосмыслить общее значение в противоположном смысле, что показывает нейтрализацию когнитивного механизма за счет первого компонента целой языковой единицы.

Рассматривая группу обозначение *абстрактного понятия* + *зооним*, иногда можно наблюдать взаимообусловленность обеих частей, например, *Angsthase* (*трус*), но зоонимический компонент может и не содержать тот же признак, который присущ характеризруемому композитом референту, и служить для подчеркивания отрицательной коннотации значения всего слова.

Особенностью **соматизмов с компонентом-зоонимом** является то, что некоторые из них обозначают часть тела, имеющую либо внешнее сходство, либо свойства аналогичного органа животного, в то время как иные латентно нацелены на характеристику всего человека.

В данной группе имеются композиты с денотативной принадлежностью к части тела, но с оценкой, распространяющейся не только на неё: *Schweinauge* (*маленькие, блестящие глаза, как у свиньи*) и *Rehauge* (*большой карий глаз*). Здесь отсутствуют характеристики, потенциально присущие человеку, и оценка, но семантика зоонимов позволяет моделирование оценочных векторов значения. Функция части тела может лежать в основе переосмысления значения композита. Примером характеризующей интерпретации с положительной оценкой можно считать композит *Adlerauge* (*зоркий глаз*).

Сложнее интерпретация значений зоонимических частей композитов, в которых происходит переосмысление признака переноса, например, *Fischauge* (*выпукленный глаз с холодным взглядом*). Признак ‘холодный’ выражает скорее температуру тела самой рыбы, при этом в проекции на характеристику взгляда человека он показывает не низкую температуру тела, а бесчувственность. Ввиду отсутствия как в языковой единице, так и в десигнате указаний на целый организм рыбы или человека становится возможным метафорический перенос ГЛАЗ РЫБЫ → ГЛАЗ ЧЕЛОВЕКА по признаку ‘холодный’.

Иначе следует рассматривать обозначения соматизмов, у которых экстенциональная принадлежность обозначенных ими признаков соответствует фактически не части тела, а человеку, примером чему служит композит *Fuchsgesicht* (*хитрая мина*), в котором обозначенное качество ‘хитрость’ са-

тому лицу свойственно быть не может. Но рассмотрение интерпретации значения по пути метафтонимии (МОРДА ЛИСЫ → ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА) ЧЕЛОВЕК является неправомерным, поскольку в сигнификате композита отсутствуют указания на всего человека, вследствие чего единственным вариантом интерпретации выступает метафора по признаку ‘*выражение хитрости*’.

Примером обозначения **иных когнитивных областей** является композит *Katzenmusik* (*дисгармоничная музыка*), при этом негативная реакция, вызванная мяуканьем кошки, связана не с нарушением гармонического строя, а с неприятными ощущениями от издаваемых звуков. Интерпретация осуществляется по формату слуховой перцепции посредством метафоры.

Название *Klammeraffe* (*знак @*) было мотивировано внешним сходством с извивающимся хвостом обезьяны. Для выявления когнитивного механизма следует определить, сопоставляется ли хвост со всем знаком (метафтонимия) или с его частью (метафора с общим признаком ‘наличие вытянутого хвоста’).

Примеры наименования болезней являются обозначением части тела животного, например, *Hasenscharte* (*хейлосхизис, заячья губа*) ввиду возможности номинации данным термином как болезни, так и поврежденного органа, что не всегда можно выявить даже по контекстному употреблению лексемы: *Es reicht, wie sich kürzlich zeigte, wenn Eltern ein Kind mit Hasenscharte nicht wollen, obgleich das Problem medizinisch zu beheben ist* [dwds.de] (= ? орган/ болезнь). Именованное поврежденного органа иллюстрирует действие метафоры ГУБА ЗАЙЦА → ГУБА ЧЕЛОВЕКА по признаку ‘разделенная форма’, тогда как название болезни добавляет в области-цели метонимические отношения ПОВРЕЖДЕННЫЙ ОРГАН вместо БОЛЕЗНЬ, в результате чего общая метафтонимия будет выглядеть как (ГУБА ЗАЙЦА → ГУБА ЧЕЛОВЕКА) ХЕЙЛОСХИЗИС.

Структурами **сложных прилагательных** стали: 1) зооним + (*признак обозначенного зоонимом животного*)¹³; 2) зооним + (*признак обозначенного зоонимом животного*)²; 3) зооним + (*производное от соматизма прилагательное*)¹; 4) зооним + (*производное от соматизма прилагательное*)²; 5) зооним + *качество, усиливаемое зоонимом*.

Сущность значений зоонимических прилагательных первой группы выражается как ‘*постоянный/ непостоянный признак, как у животного*’. Прилагательное *rabenschwarz* (*глубокий черный*) служит обозначением цвета лошади или коня без формирования переносного значения, однако практическая речевая реализация прилагательного показывает частотность его употребления в переносном значении как обозначения чего-то мрачного, тёмного и несчастливого, что наглядно представлено в словосочетании *rabenschwarzer Tag – ‘ein Unglückstag; ein Tag voller Misserfolge’*. Сочетание с существительным *Nacht* показывает интерпретацию без формирования вторичного

³ Надстрочные 1 и 2 указывают на первичное или вторичное значение.

значения, но характеристика «цвета» ночи, являющейся абстрактным понятием, не может быть эквивалентна определению цвета птицы.

Вторая группа представлена, например, прилагательным *aalglatt* (*скользящий, изворотливый [о человеке]*), где характеристика ‘glatt’ в отношении к рыбе осмысливается как ‘гладкий’, в то время как при характеристике человека прилагательное получает значение ‘с изворотливым поведением’. Таким образом, значение формируется на основе аналогии сложности удержать скользкую рыбу в руках и трудности положиться на скользкого человека.

Третья группа показывает перенос в иную когнитивную область признака не животного, а его части тела. Данные сложные прилагательные в качестве второй части имеют производный от соматизма корень, который не может существовать без зоонима. Все прилагательные условно можно разделить на обозначающие внешнее сходство с органом денотата зоонима и обозначающие соответствие с функцией последнего. Например, прилагательное *luchsäugig* (*с глазами, как у рыси*) является характеристикой зоркого человека. Структуру его значения в сочетании с нейтральным субъектом *Mensch* можно представить как ‘человек, имеющий глаза, которые видят, как глаза рыси’ = ‘зоркий человек’. Если рассмотреть вариант номинации человека зоонимом *Luchs* для характеристики зоркости его глаз, то можно говорить об интерпретации, включающей также метонимические отношения как взаимодействие характеристик части и целого. Однако в структуру прилагательного включена производная от соматизма морфема, и зооним характеризует обозначенную им часть тела, соответственно производное прилагательное будет характеризовать субъект целиком, а не отдельный орган.

Прилагательное *löwenherzig* используется для характеристики отважного человека, (хотя данная характеристика в реальности не свойственна денотату зоонима), и структуру его значения можно представить как ‘имеющий сердце, являющееся таким же храбрым, как сердце льва’. Значение прилагательного, характеризующего субъект целиком, позволяет говорить о сопоставлении с человеком представителя животного мира, а не его отдельно взятого органа. Выбор прилагательного с производным от соматизма *Herz* суффиксом можно объяснить тем, что ассоциативные характеристики, связанные с данным органом, включают также семы ‘благородство’, ‘честность’.

Иная схема формирования значения имеется у прилагательного четвертой группы *stierköpfig* (*упрямый*), структуру значения которого нельзя представить как ‘имеющий голову, являющуюся такой же упрямой, как голова быка’. Следует рассмотреть голову быка как часть тела, которая согласно особенностям поведения животного способна продемонстрировать упрямый характер зверя, который в случае несовпадения его интересов с интересами взаимодействующего с ним субъекта начинает бодаться рогами на его голове.

Многие примеры последней группы имеют высокую связь денотатов прилагательного и зоонима, из-за чего их можно отнести к первой группе.

Например, значение прилагательного первой группы *bärenstark* можно представить как ‘по-медвежьи сильный’, а значением прилагательного *saukalt* становится аналогичное ‘по-свински холодно’, но в первом случае характеризующий зоонимом признак свойственен медведю, а второй случай показывает отдельную интерпретацию зоонима вне состава композита с формированием его общего восприятия как чего-то негативного. Это говорит о разной степени связи между денотатами, характеризующимися сложными прилагательными, и денотатами их зоонимических компонентов. Так как денотат зоонима не обладает обозначенным признаком, этот признак в структуре прилагательного не приобретает вторичное значение.

В группе **атрибутивных словосочетаний** структуры *прилагательное + зооним* большинство характеризуют человека, однако остальные рассматриваемые области также связаны с бытом и деятельностью последнего. В качестве когнитивного механизма выступает когнитивная метафора ввиду семантической специфики прилагательных в составе словосочетаний.

Семантическая структура словосочетаний с точки зрения оценки и наличия вторичного значения позволяет их разделить на следующие группы: 1) *deskриптивное прилагательное + зооним без вторичного значения*; 2) *оценочное прилагательное + зооним без вторичного значения*; 3) *deskриптивное прилагательное + deskриптивный зооним с вторичным значением*; 4) *deskриптивное прилагательное + оценочный зооним с вторичным значением*; 5) *оценочное прилагательное + оценочный зооним с вторичным значением*.

Если зооним вторичного значения не имеет, или оно не связано с семантикой атрибутивного словосочетания, интерпретация значения зоонима происходит после прибавления к нему определенного прилагательного (косвенная вторичная номинация). Так словосочетание получает два значения: первое указывает на животное, обладающее признаком, заложенным в семантике прилагательного, а второе – на характеризующий объект. Если зооним вне словосочетания уже обладает вторичным значением (непрямая вторичная номинация), а прилагательное выполняет функцию подчеркивания признака, осуществляющего переосмысление значения, процесс интерпретации значения зоонима происходит еще до образования словосочетания.

Примером первой группы является словосочетание *schwarzes Schaf*, обозначающее человека, который не только не похож на других членов своего общества, но и постоянно испытывает давление с его стороны. Интерпретация значений зоонимов осуществляется на основе физических характеристик животного в цветовом соотношении с представителями того же биологического рода или вида. Интерпретацию значения зоонима *Schaf* можно определить с двух точек зрения. С одной стороны, черные овцы становятся причиной снижения качества шерсти всего стада, поэтому заинтересованные в производстве шерсти стараются их отсортировать, вследствие чего такие овцы имеют малую продолжительность жизни. С другой стороны, вы-

ражение *schwares Schaf* можно встретить в книге Бытия в словах Иакова к Лавану [Gen. 30, 32]. Намерением Иакова было специальное выведение сильных темных овец, чтобы забрать их у тестя. Если рассматривать интерпретацию зоонима с точки зрения Книги Бытия, то очевидно указание на то, что «черные овцы» появляются среди белых овец, а не живут изолированно. Публицистические контексты иллюстрируют характеризующую интерпретацию со знаком «-», где доменом интерпретации является «поведение».

Среди примеров второй группы можно выделить интерпретацию значения зоонима в составе атрибутивного словосочетания *diebische Elster* (человек, склонный к воровству мелких вещей), которое основано на представлении о вороватом характере птицы, что, однако, в современной науке подлежит сомнениям. Интерпретация осуществляется по формату наблюдения в домене «поведение» и имеет отрицательную оценку. Прилагательное *diebisch* подчеркивает это качество птицы, ставшее основой формирования вторичного значения зоонима. Практическое употребление данной идиомы иллюстрирует широкую сферу выбора области-цели интерпретации, однако приоритетной является характеристика человека.

Третью группу представляет словосочетание *krasser Fuchs*, обозначающее новичка, желторотика. Вторичным значением зоонима, создающим базу для его интерпретации является *‘noch nicht voll berechtigtes Mitglied einer Studentenverbindung im ersten und zweiten Semester’*. В сочетании с прилагательным зооним приобретает более широкое значение, распространяясь за пределами сферы студенческой жизни. Прилагательное *krass*, имеющее значение *‘in seiner Art besonders extrem’*, употреблялось часто в студенческих кругах как излюбленное суперлативное слово, а зооним, содержащий изначально отрицательную характеристику, приобрёл нейтральное значение. Вследствие этого общее значение выражения приобретало положительный характер.

Некоторые словосочетания четвертой группы являются окказиональными комбинациями существительного и прилагательного без лексикографического толкования, но употребляющимися в немецкой прессе и художественной литературе. Среди атрибутивных словосочетаний, имеющих в своем составе прилагательное *alt*, были обнаружены шесть: *alte Eule*, *alte Kuh*, *alte Ziege*, *alter Bock*, *alter Hirsch* и *alter Kauz*, которые используются в качестве ругательных обращений. Прилагательное *alt* добавляет отрицательную сему в значения идиом, так как старость в сознании представителей немецкой культуры ассоциируется преимущественно с отрицательными понятиями.

Вторичные значения зоонимов *Kuh* – *‘weibliche Person, über die sich jemand ärgert’* и *Ziege* – *‘zickige weibliche Person’* демонстрируют их интерпретацию в доменах «поведение» и «характер», но в первом случае подчеркивается отношение к женщине в конкретное время, а во втором – её постоянные черты характера. Мотивационным признаком становится наличие рогов у парнокопытных животных и их умение бодаться. Исследованные контек-

словосочетания, хотя большинство словосочетаний данной группы имеет отрицательную характеристику, о чем свидетельствуют оценочные прилагательные *dumm, blöd, falsch, faul* и др. в их составе.

Вторичное значение лексемы *Gans* – ‘*unerfahrene, junge weibliche Person*’ имеет отрицательную коннотацию, которая ярко подчёркивается прилагательным *dumm*. Идиому можно рассматривать и как иллюстрацию непрямой, и как пример косвенной номинации. В первом случае словосочетание сразу приобретает значение ‘*глупая, неопытная девушка*’, а во втором – оно получает свое первичное значение ‘*глупая гусыня*’, в составе которого значение зоонима подвергается интерпретации.

В качестве примера **образного сравнения** группы *существительное + wie + зооним + haben* можно рассмотреть выражение *Augen wie ein Luchs haben* (*иметь зрение, как у рыси*), которое предполагает установление аналогии между зрением рыси и характеризуемого субъекта, что указывает на скрытую метонимию ОРГАН вместо ФУНКЦИИ, а значение зоонима получает потенциальную интерпретацию по формату наблюдения. Исключает метонимические отношения выражение *Gedächtnis wie ein Elefant haben* (*иметь память, как у слона*), поскольку сравнение направлено на сопоставление признаков абстрактной вербализированной сущности (*Gedächtnis*) в эквивалентных проекциях на животное и на человека.

Следующая группа *прилагательное + wie + зооним* предполагает сравнение некоторого качества денотата зоонима с качеством характеризуемого субъекта. Некоторые сравнительные обороты являются эквивалентами сложных прилагательных, например, идиома *müde wie ein Hund* (*усталый, как собака*) соответствует прилагательному *hundemüde*. Мотивированность значения может иметь несколько основ. Во-первых, близость собаки к человеку, а также эксплуатация её в качестве транспорта, во-вторых, потребность собаки в 16-часовом суточном сне, что делает возможным частое наблюдение за животным, пребывающим в состоянии сна.

Разная оценка может быть присвоена субъектам, характеризуемым оборотом *stumm wie ein Fisch* (*нем, как рыба*), так как обозначенный прилагательным признак не имеет изначально определенной оценочной семы, что показано в контекстах употребления идиомы. Признак ‘*stumm*’ в реальности не является характерным для определяемых областью-источником представителей животного мира ввиду способности рыб издавать широкий спектр звуков разных частот, которые не могут быть услышаны человеком, потому что звуковая волна попадает в его внутреннее ухо различными способами в воде и в воздухе, при этом восприятие звука в воздухе значительно выше. То есть определение рыб как немых существ связано с физиологией человеческого уха.

Третья группа сравнительных оборотов структуры *глагол + wie + зооним* является наиболее многочисленной, поскольку в отличие от существитель-

ных и прилагательных, способных иметь зоонимический компонент, глаголы с несколькими корнями не являются характерными для немецкого языка, ср. *Augen wie ein Luchs haben* → *Luchsauge, luchsäugig, schwarz wie ein Rabe* → *rabenschwarz, ein schwarzer Rabe* и *brüllen wie ein Stier* → **stierbrüllen*. Негативная оценка действия в сравнительном обороте *leiden wie ein Hund* (*страдать, как собака*) не основана на отрицательном отношении к животному, а скорее является образным сравнением с покорными жестами, печальными глазами и громким скулежом собаки. Контекстные употребления выражения указывают на то, что сравниваемые со страданиями собаки переживания субъектов могут иметь разную степень серьезности оснований.

Примером нейтрализации образного сравнения за счет иного компонента является идиома *schwimmen wie eine bleierne Ente* (*плавать, как свинцовая утка*), где прилагательное *bleiern* способствует обратному пониманию опорного знания. Переосмысление действия наблюдается при потенциальной интерпретации зоонима в сравнении *strahlen wie Maikäfer* (*светиться, как майский жук⁴*), поскольку при характеристике жука глагол указывает на отражение света, тогда как описание человека констатирует выражение радости.

Последняя группа *wie + зооним* является наиболее произвольной в языковой репрезентации, поскольку сочетания союза *wie* возможны с обозначением практически любого объекта, однако некоторые образные характеристики животных способствовали лексикографическому закреплению данных выражений. Так, семантика прилагательного в сравнительном обороте *wie ein geprügelter Hund* (*как избитая собака*) устанавливает основу потенциальной интерпретации выражения, с одной стороны, на основе жалостливого отношения к животному, с другой стороны, на основе презрительного отношения к собаке, для которой допустимы физические наказания.

Семантика причастия *begossen* определяет общее значение сравнительного оборота *wie ein begossener Pudel* (*как облитый [промокнувший] пудель*), при этом значение ‘не знающий, что сказать после обвинений’ указывает на то, что первичное значение прилагательного не функционирует в отношении характеризуемого субъекта. Но рассматривать данное сравнение как пример с переосмыслением признака переноса не совсем корректно ввиду отсутствия соответствующего значения у прилагательного, указывающего на потерю речи как следствие чувства стыда. То есть основой для формирования вторичного значения данного выражения является аналогия жалкого состояния пуделя, временно потерявшего красоту своей шерсти из-за воздействия воды с несчастным, жалким состоянием человека, временно потерявшим способность говорить из-за порицаний (ср. рус. *обтекать от стыда*). Контекстное употребление выражения демонстрирует расширение сферы его номинации.

Заслуживают внимания выражения *wie ein Bär* (*как медведь*) и *wie die Sau* (*как свинья*), значением которых является ‘*очень, в высокой степени*’, ос-

⁴ В данном случае, вероятнее, речь идет о бронзовке (Goldglänzender Rosenkäfer).

нованием для потенциальной интерпретации значений зоонимических компонентов являются разные факторы. Выражение *wie ein Bär* является примером образного сравнения с переосмыслением признака переноса, поскольку признак ‘большой’ при функционировании первичного значения указывает на размер, а во вторичном значении – на высокую степень. Формирование значения сравнительного оборота *wie die Sau* можно рассмотреть с двух точек зрения: во-первых, зооним может выполнять усилительную функцию на основе негативной оценки его денотата, во-вторых, в основе может лежать аналогия с быстрой скоростью кабанов, убегающих от охотника, вследствие чего признак ‘интенсивный’ в первичном значении характеризует скорость животного (=быстрый), во вторичном – степень проявления (=проявляющийся с большой силой). Здесь потенциальная интерпретация осуществляется по формату наблюдения с сохранением негативной оценки.

Выражение *wie vom wilden Affen gebissen sein* (как будто быть укушенным дикой обезьяной), характеризует, во-первых, сумасшедших людей, во-вторых, неадекватно среагировавших на что-либо. Появление данного оборота можно объяснить с двух сторон. Во-первых, сам зооним *Affe* передает негативную оценку на основе представления об обезьяне как о карикатуре на человека, что говорит о потенциальной интерпретации по формату наблюдения, во-вторых, прецедентом могла стать смерть короля Греции Александра I в 1920 году от заражения крови после укуса его любимой обезьяны, что показывает интерпретацию по формату экспериенциальных эффектов.

Особо следует выделить случаи употребления рассмотренных лексикографически зафиксированных атрибутивных словосочетаний в сочетании с союзом *wie*, вследствие чего они становятся частью сравнительного оборота. Фактически формат интерпретации и её тип не изменяются посредством данного союза, однако выражение приобретает более мягкий характер модальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексические категории тематической области «животный мир» являются аналоговыми по отношению к объектам окружающего мира, обозначаемым зоонимической лексикой. Выделение данных категорий осуществляется с точки зрения обывателя посредством перцепции, наблюдения, а также опыта взаимодействия с представителями животного мира, которое становится возможным посредством восприятия автоморфного характера.

Вербализированные в языке знания являются ключом к стоящим за ними смыслам, которые могут подвергаться переосмыслению благодаря интерпретирующей функции сознания индивида, а также его оценочной деятельности, в связи с чем можно утверждать, что интерпретация опосредована языковыми формами и объективируется в них. Формирование вторичных значений лексем достигается посредством активизации ассоциативного знания на ког-

нитивном уровне и вторичной номинации на языковом. Смысл, сформированный в результате сдвига значения, может соотноситься с внеязыковым рядом автономно или косвенно. Частным случаем такой номинации являются примеры с нулевым экстенционалом в первичном значении лексемы. Важную роль при определении типа номинации играет наличие или отсутствие вторичного значения зоонима в общей структуре исследуемой языковой единицы.

Интерпретация значений зоонимов осуществляется с помощью когнитивных механизмов метафоры, метонимии, метафтонимии и образного сравнения, при этом базовым когнитивным инструментом структурирования знаний выступает операция сравнения, а ведущую роль среди когнитивных механизмов играет метафора. Несмотря на формальную ложность метафоры, сопоставляемые сущности обладают той или иной степенью онтологического родства, что определяется общим признаком, по которому осуществляется трансформация значения. Наиболее сложны случаи, в которых признак применительно к области-цели получает вторичное значение. Метонимия не всегда носит образный характер и достаточно редко встречается в отрыве от метафоры при формировании вторичного значения. Данные механизмы могут функционировать в совокупности, во-первых, путем разного сочетания метафоры и метонимии, т.е. метафтонимии, во-вторых, как более сложная комбинация, включающая две метафоры или метонимии, а в-третьих, комплексом механизмов применительно к каждой части сложного слова. Число признаков переноса охватывает как внешние, так и абстрактные характеристики.

Послужившие фактическим материалом для исследования композиты являются значимым пластом лексики немецкого языка, а отношения между их частями определяются, в том числе, соответствием или несоответствием значения грамматической главы композита значению всего композита. Последний случай, иллюстрируемый экзоцентрическими образованиями, указывает на переосмысление опорного компонента, что делает возможным перенос значения зоонима из области «животный мир» в иные концептуальные области, например, «растения», «человек», «артефакты» и др.

В каждой концептуальной области выявлены основные структурно-семантические группы, при этом некоторые структуры присутствуют в разных концептуальных областях. Самой сложной с точки зрения когнитивных механизмов в разных исследуемых когнитивных областях представляется структура *зооним + соматизм*, поскольку интерпретация значения зоонима в составе композита обеспечивается как механизмом метонимии, которая иллюстрирует схожесть в частях тела интерпретирующего и интерпретируемого объектов, если производный композит обозначает именуемый объект целиком, так и посредством метафоры, если производный композит указывает на схожесть части тела выступающего в качестве цели интерпретации объекта с целым интерпретируемым объектом.

Интерпретация значений зоонимов в составе номинативных композитов, характеризующих растения и животные, имеет чаще всего идентифицирующий тип, тогда как образование сложных прилагательных и атрибутивных словосочетаний, которые обозначают человека, является результатом характеризующей интерпретации. Так, среди атрибутивных зоонимических композитов были обнаружены прилагательные, которые часто обладают сниженными коннотациями. Исследование зоонимических атрибутивных словосочетаний показало, что в качестве области-цели в большинстве случаев выступает человек, а типом интерпретации является характеристика с отрицательным знаком. В числе иных сфер, на которые распространяется интерпретирующий потенциал данной лексической категории можно выделить артефакты, части тела, природу, места, знаки и проч. В зависимости от характера обозначаемого объекта были обнаружены случаи как идентифицирующей, так и характеризующей интерпретации с положительным или отрицательным значением.

Исследование семантической структуры сложных прилагательных предполагает необходимость обращения к его контекстному употреблению, поскольку в отличие от существительных денотация прилагательных является более гибкой. В числе исследуемых прилагательных были обнаружены только две группы: *зооним + обозначение качества* и *зооним + производное от соматизма прилагательное*, среди которых есть примеры с переосмыслением признака переноса. Связь денотатов потенциально характеризуемого прилагательным существительного и зоонима может иметь разную степень связанности, что иллюстрирует градацию от случаев, при которых характеризуемый прилагательным объект имеет то же качество, что и животное, выступающее денотатом зоонима, до случаев, в которых выбор зоонима обусловлен исключительно оценкой животного, преломляющейся под оценку характеризуемого прилагательным феномена окружающей действительности.

Реализация интерпретирующего потенциала значений зоонимов в составе атрибутивных словосочетаний обусловлена их употреблением в контексте, который делает возможным изменения оценки или тонкостей значения словосочетания. В отличие от строго зафиксированных в лексикографических источниках композитов, атрибутивные словосочетания не всегда имеют узальный характер, выступая в некоторых случаях как окказиональные образования, характеризующие фиксированный круг объектов или субъектов.

Сравнительные обороты иллюстрируют наибольшую произвольность практического употребления, обусловленную возможностью проведения аналогии между различными фрагментами реальности, обладающими разной степенью онтологического сходства. Формальная истинность сравнения позволяет говорить о функционировании первичного значения зоонимического компонента и его потенциала к интерпретации, достигаемого благодаря возможности метафорического употребления эквивалентного знания.

Таким образом, изучение интерпретирующего потенциала лексической категории «животный мир» представляет собой большой научный интерес и широкое поле для исследования. Перспектива данного исследования заключается в моделировании интерпретирующего потенциала значений зоонимов в составе иных языковых структур, в том числе фразеологических единиц разных типов.

*Основное содержание диссертации отражено
в следующих публикациях:*

1. Захарова М.А. Интерпретирующий потенциал немецких зоонимов в составе характеризующих человека атрибутивных словосочетаний, имеющих структуру «прилагательное без оценки + зооним без вторичного значения» // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 404-410.
2. Zakharova M.A., Yagodnitsena E.A. Interpretationspotenzial der deutschen Lexika, die in ihrer Struktur die Bezeichnung der Farbe enthält // Нефилология. 2019. Т. 3. № 19. С. 315-327.
3. Zakharova M.A. Interpretation von Tiernamen als Teile von zusammengesetzten Adjektiven // Нефилология. 2019. Т.3. № 20. С. 466-475.
4. Захарова М.А., Рябых Е.Б. Интерпретирующий потенциал зоонимов с вторичным значением в структуре определительных словосочетаний, включающих прилагательное без оценки и характеризующих человека // Когнитивные исследования языка. 2019. № XXXIX. С. 319-330.
5. Рябых Е.Б., Захарова М.А. Отражение процессов мышления и вербализации в метафорической картине мира // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 3 (42). С. 79-85.
6. Захарова М.А. Роль перцептивных характеристик в идентифицирующей интерпретации // Вестник ТГУ Сер. Филологические науки и культурология. 2016. Вып. 3 (7). С. 17-23.
7. Захарова М.А. Интерпретирующий потенциал некоторых сложных зоонимов // Новое слово в науке и образовании: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции 03.10.2016 г., Минск, Белоруссия. Нефтекамск: Издательство «Мир науки», 2016. С. 66-71.
8. Zakharova M.A. Interpretirendes Potenzial von manchen Zoonyemen // Культура в зеркале языка и литературы: Мат-лы Пятой междунар. науч. конф. 17 февраля 2017 г. / Отв. ред. Н.В. Ушкова, Е.А. Кузьмина. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 26-34.
9. Захарова М.А. Интерпретация некоторых сложных зоонимов структуры зооним + соматизм // Альманах молодёжной науки факультета филологии и журналистики ТГУ им. Г.Р. Державина / науч. ред. С.С. Худяков; отв.

ред. Н.И. Платицына. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 53-57.

10. Захарова М.А. Интерпретирующий потенциал немецких композитов с зоонимом // Державинский форум. 2017. №3. С. 82-90.

11. Захарова М.А., Ягодниченко Е.А. Интерпретирующий потенциал немецкой лексики, содержащей в своей структуре обозначение цвета // X Полевские чтения «Художественное творчество, как феномен духовной культуры общества»: мат-лы Международной научно-практической конференции-форума / отв. ред. М.В. Никольский. Тамбов: Принт-Сервис, 2018. С. 228-239.

12. Захарова М.А., Ягодниченко Е.А. Перцептивный признак «размер» как средство интерпретации зоонимов и фитонимов на материале немецкого и русского языка // Научный журнал «Апробация», 2019. № 4 (67). С. 24-30.

13. Захарова М.А. К вопросу об автономной и косвенной номинации компонентов эндо- и экзоцентрических композитов немецкого языка // Интеллектуальный потенциал XXI века: мат-лы Международной научно-практической (заочной) конференции 19 мая 2020 г., София, Болгария. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2020. С. 91-99.

14. Захарова М.А. Интерпретация немецких зоонимов в атрибутивных словосочетаниях // Международен дијалог: Исток – Запад» (филозофија, лингвистика, културологија). Свети Николе: Международен Славјански Универзитет «Гаврило Романович Державин», 2020. С. 41-48.

Подписано в печать 21.09.2020 г. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 1,46.
Тираж 100 экз. Заказ № 20187. Бесплатно.
Издательский дом «Державинский»
392008, Тамбов, ул. Советская, 190г
Отпечатано в типографии Издательского дома «Державинский»
392008, Тамбов, ул. Советская, 190г